

Алексей Дмитриевский
(Калининград)

А. К. ТОЛСТОЙ И ЕГО МИР

В правду, по одежке встречают, а провожают, уже не расставаясь в дальнейшем, — по уму! Талантливое художественное оформление книги М. Д. Трушкина «А. К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы», выполненное художником С. Ю. Губиным, приковывает заинтересованный взгляд, а захватывающее содержание 656-страничного издания удерживает читательское внимание до последней точки. А. К. Толстой — предмет исключительной жизненной пре-

данности и исследовательского энтузиазма М. Д. Трушкина, коренного жителя толстовского Красного Рога, воспитанника исторического факультета Ленинградского университета, заслуженного работника культуры РФ, лауреата литературной премии «Серебряная лира» им. А. К. Толстого. Труд многих лет, книга всей жизни ее автора «А. К. Толстой и мир дворянской усадьбы» вышла в 2009 году в московском издательстве «Русский мир» двухтысячным тиражом. Разговор о книге следует начать с того, что ее реальное содержание выходит далеко за пределы, обозначенные заглавием: путь авторской мысли ведет нас от расцвета дворянской усадьбы в XVIII — середине XIX в. к вершинам русской и мировой культуры в ее главных центрах: Москве и Петербурге, Риме, Венеции, Неаполе, Флоренции, Париже и Берлине. Это воистину галактика русской культуры в ее уникальном свойстве «пасхальности» и в органических европейских связях, где все составляющие замыкаются на личности, жизни и творчестве Алексея Константиновича Толстого.

Культурно-историческая школа XIX века и вкуче с ней биографический исследовательский метод в литературоведении переживают сейчас новое рождение, причиной чему — наша благодатная тяга к

целостному постижению прародительской культуры и, следовательно, — самих себя, пребывающих в своем исторически-родовом коде со всеми нынешними столь же судьбоносными, сколь и трагическими проблемами. А. К. Толстой в своей родовой истории, в собственной жизни и творчестве выступает как уникальный феномен русского самосознания и культуры. Сама его жизнь представляется в широчайших личных и творческих связях с деятелями культуры своего времени от Пушкина и Гете, которых он видел и знал в свои младенческие годы, до вершителей русского и мирового искусства, среди которых — его троюродный брат Лев Толстой, Николай Гоголь, Карл Брюллов, Ференц Лист, Рихард Вагнер. Причем едва не каждому посвящается специальный сюжет, а само «академическое» значение книги оказывается неотделимым от ее публицистического характера. Четыре ее основные части *сюжетно* озаглавлены по персонажно-биографическому, семейно-родовому принципу, а в *проблематике* — по историко-культурологическому: «Графы Разумовские», «Дворянский род Перовских», «А. К. Толстой и Толстые», «Братья Жемчужниковы». Такой подход позволяет автору тщательно проследить глубинную и целостную генетику феномена А. К. Толстого от «пращуров» (малороссийского казака Григория Розума, жившего в середине XVIII в., и легендарного Индроса) до собственно «золотого» XIX века русского национального самосознания и культуры, а также определить узловые моменты русской культурологической преемственности вплоть до нынешнего XXI — в животворных обретениях и драматических потерях.

Естественно, центральное место в книге занимает раздел «Мировоззренческая и эстетическая позиция А. К. Толстого». Автор чужд отвлеченного теоретизирования. Мировоззрение и эстетика писателя в полюсах провозглашавшегося им самим служения красоте как таковой и искусству как искусству уже сами по себе подтверждают тот вероятный факт, что красота и любовь только тогда и являются подлинными, когда они исполнены жизни во всем ее богатстве и, одновременно, глубочайшим соучастием и искренним состраданием автора. А иначе это лишь фантомы, ничто! Нельзя не заметить, что А. К. Толстой является у нас третьим писателем после Пушкина и Лермонтова, у которого (при общем доминировании поэзии) лирика, эпос и драматургия выступают в едином и целостном балансе.

Можно говорить о положительной «многовекторности» культурологической установки автора, сказывающейся в собственно литературоведческих разделах книги. Так, драматическая трилогия писателя рассматривается по преимуществу с философско-исторических пози-

ций, роман «Князь Серебряный» и сатирическая поэзия — с идеологических позиций того времени, а лирика поэта — целиком в биографических трактовках. В этой связи показательно утверждение автора: «Сатира А. К. Толстого как злой инструмент борьбы с невежеством и косностью, демагогией и либеральным разглагольствованием о тех же, ныне надуманных в России "правах человека" и "общечеловеческих ценностях" не знала лицеприятия».

В книге утверждается и прослеживается важнейшее значение премошенно-родового и демографического факторов в русском национальном и культурологическом самостоянии. Так, узнаем, что у прапрадеда А. К. Толстого по материнской линии Григория Розума было шестеро детей, у его сына графа К. Г. Разумовского — одиннадцать, у внука Алексея Кирилловича, деда поэта, — пятнадцать, а у его прадеда по отцовской линии Андрея Ивановича Толстого, удостоившегося счастливого прозвания «Большое гнездо», детей в семье было 23 (!). Понятно, что в такой энергетически мощной семейно-родовой среде свободно возрастал и совершенствовался генофонд нации и складывались надежные условия для становления национальных талантов и гениев — в литературе и искусстве, государственной и военной службе. Это наглядно прослеживается в поименованных наследственных поколениях, а сход их в конечном счете на нет невозможно расценить иначе, как часть общерусской исторической трагедии XX века. Вспомним также, что уникальный писательский образ Козьмы Пруткина возник в благодатной семейно-родовой среде четырех братьев: родных — Жемчужниковых и двоюродного — А. К. Толстого. И трагически невостребованное чувство отцовства у самого Алексея Константиновича, о чем пишет автор, также говорит само за себя.

Книга написана на громадном архивном материале, и поэтому многие тексты (художественные и мемуарные) и культурные вехи нашего «золотого века» впервые вводятся в поле научного зрения. Причем, наперекор и вопреки расплодившемуся ныне поветрию охаивания родной истории, автор взыскует в отечественной жизни и подает самым крупным планом ее жизнеспособные и перспективные свойства, коренящиеся не в последнюю очередь в личности самих общественных, государственных деятелей и творцов культуры. И мы с интересом и сочувствием читаем, например, о серьезных государственных заслугах А. А. Аракчеева и знакомимся с такими незаслуженно забытыми русскими талантами, как художник А. Е. Егоров, названный в XVIII веке «русским Рафаэлем». В книге происходит давно назрев-

шая реабилитация понятия «русское благородство» в его духовно-нравственном и культурологическом смысле, реальным жизненным воплощением которого являлся Алексей Константинович Толстой. Безусловное благородство сказывалось в присущем ему чувстве личной причастности к истории и современности Родины-России, в его нежной и преданной любви к двум уникальным женщинам своей жизни — матери Анне Алексеевне и супруге Софье Андреевне, в его предельной душевной открытости всему прекрасному в родном народе, в друзьях и родных, в русской природе, в Красном Роге — его «малой родине», наконец, — в родном и великом Русском слове. Но столь же благородна и нравственна беспощадность А. К. Толстого к пороку в людях, истории и общественно-государственной жизни.

Текст, по-научному описательный и аналитический, изящно беллетризован, в нем мастерски создан эффект непосредственного авторского и нашего, читательского, соприсутствия. Постоянно ощущается, что автор самолично прошел едва ли не всеми путями и тропами своего благородного кумира (как в России, так и в Европе), поверяя каждое свое суждение. Книга снабжена большим справочным аппаратом, библиографией и именным указателем, расширяющими горизонты исследования. В виде приложения в издание включен «Венок А. К. Толстому», в который сплетены посвященные ему стихи и проза одиннадцати авторов: от современников поэта и его друзей Каролины Павловой, Афанасия Фета, Владимира Соловьева до нынешних поэтов Брянской земли.

Знакомство с книгой вызывает и вопросы. Так, небесспорной представляется трактовка личности Софьи Андреевны Толстой и ее роли в жизни поэта. В этой интимно-личной и потому наиболее деликатной и ответственной сфере жизни и творчества любой литературовед оказывается между Сциллой непререкаемой научной объективности и Харибдой безусловно решающего для нас мнения самого поэта о своей возлюбленной, жене и друге, поскольку здесь жизнь и поэзия абсолютно заодно. Автор чужд модного ныне копания в чужом белье, но сопоставление супруги, которая являлась музой поэта и была одной из умнейших и образованнейших женщин своего времени (которую, кстати, глубоко уважал и ценил Ф. М. Достоевский), с чеховской «попрыгуньей», на мой взгляд, не имеет достаточных оснований. В некоторых случаях ощущаются недочеты справочной информации. К примеру, мои земляки-почепчане с воодушевлением прочитают, что «Алексей Константинович часто бывал в громадном доме своего деда

А. К. Разумовского в Почепе». Но факты, подтверждающие сказанное, к сожалению, отсутствуют. Недостаточно прояснена родственная связь Софьи Андреевны Толстой и Софьи Хитрово.

В заключение процитирую автора книги: «На встречу к А. К. Толстому в Красный Рог едут отовсюду люди, не безразличные к своему прошлому и родной культуре. Ими движет стремление познать себя в непростое для всех нас время и, разумеется, поиск обогащающих встреч с прошлым». Именно праздник обогащающей встречи с прошлым и дарит читателю замечательная книга М. Д. Трушкина «А. К. Толстой и мир русской дворянской усадьбы».